

the liberation, about 4,000 of them chose to migrate further to Belgium, were wed and settled in their husbands' home towns or villages. Because of the difficulty of their war experiences, many of them in their post war life kept silent. However, these experiences came to the surface by means of gestures and slips of the tongue.

The contribution shows how I gathered and analysed narratives on war memory of former Ostarbeiterinnen in Belgium for my PhD dissertation. Its aim is to portray whether the method I followed can contribute to other research on Ostarbeiterinnen. I used an ethnographical fieldwork approach. Inductive fieldwork, among others, allows to do interviews as well as to do participant observation during gatherings. The combination of both approaches enables to highlight which war experiences are more easily verbally or non-verbally presented in group, and which ones are more easily, verbally or non-verbally, touched upon during individual interviews. One of the results I will present, for instance, goes into a shared but silenced war experience which nevertheless stood central during group gatherings of former Ostarbeiterinnen in Belgium.

This research question is interesting for many reasons. First, research on Ostarbeiterinnen up till now concentrated on the former Soviet Union, not on Ostarbeiterinnen who migrated to third countries, such as to Belgium. Second, former research focused on interviews with individuals, as the former Ostarbeiterinnen in the Soviet Union were not allowed to gather. In Belgium, however, formal immigrant organisations of Ostarbeiterinnen existed. Third, the analysis of former researchers mainly focused on what people said, not on what they did not say.

Виктория КУДЕЛЯ-СВЕНТЕК

**У КАЖДОГО СВОЙ КАЗАХСТАН...
По материалам проекта «Z ziemi kazachskiej do Polski»,
посвященного коллективной памяти репатриантов
из Казахстана в Польшу**

Если помнить выгодно, никто забыт не будет
Б. Дизраэли

Воспоминания казахстанских поляков — источник невообразимо любопытный для современной польской гуманитаристики, и не только. В советское время память этой группы значительным образом отличалась от официального дискурса. Но гораздо любопытнее тот факт, что современным польским обществом ей отведена аналогичная роль. Такое положение вещей связано с отличием национального самосознания этнических поляков от исконно польского, неготовностью современного польского общества к сопоставлению своего исторического опыта с опытом новых соотечественников и взаимным нежеланием выработать гармоничные общественные взаимоотношения между ними.

Задача данной статьи — представить проблему социальной адаптации репатриантов из Казахстана посредством пояснения отличий коллективной памяти обеих групп в контексте авторского устноисторического исследования, проведенного в 2006–2008 гг.

Для начала следует напомнить, каким образом в прошлом веке сформировалась польская диаспора Казахстана. Известно, что в 1930-е и 1940-е гг. советским правительством был произведен ряд депортаций представителей польской национальности с территории современной Украины. На сегодняшний день историческая наука условно делит поляков-спецпоселенцев на две категории. К первой относятся поляки, населявшие в 1936 г. приграничные районы УССР. Ко второй — так называемые «бывшие польские граждане», сосланные во время Второй мировой войны с территории сегодняшних Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей. Представители последней группы, будучи до войны польскими подданными, получили возможность вернуться на родину в послевоенный период или же во время «оттепели»¹. Именно их опыт депортации был неоднократно и достаточно глубоко осмыслен польской научной

литературой и публицистикой², а также послужил основой мифологизации образа польского ссыльного в литературе, культуре, а отчасти и в историографии.

Представители первой группы, будучи советскими подданными, воспользоваться правом репатриации на тот момент не могли. Такую возможность дало им, а чаще их потомкам, польское правительство начиная с 1997 г., приняв закон о репатриации граждан польского происхождения из стран бывшего СССР³. До этого времени поддерживать связь с исторической родиной ни на правительственном, ни на гражданском уровне возможности у них практически не было. Поэтому, переехав в Польшу, они оказались не готовы к новым жизненным обстоятельствам. Процесс адаптации был продолжительным и болезненным в особенности для представителей старшего поколения. Мифическая страна Польша из семейной легенды имела мало общего с реальной страной, в которой им предстояло жить. Кроме того, и местные поляки оказались не готовы к принятию репатриантов, что значительным образом повлияло на степень социальной адаптации последних. Образ польского ссыльного, воспетый родной литературой, был так непохож на русскоязычного репатрианта из Казахстана. Более того, граждане Польши во вновь приобретенных соотечественниках видят людей с иным личным опытом, с другим менталитетом и со слабым знанием языка⁴. В обоих случаях ожидания разбились о действительность, и идеал сменился разочарованием, приведя к переосмыслению личной национальной самоидентификации казахстанских поляков и отношения к ним в Польше⁵.

Первое мое знакомство с краковскими репатриантами, проживающими в Доме социальной помощи «Под Дубами» (ориг. *Dom Pomocy Społecznej "Pod Dębami" w Krakowie*), состоялось случайно в 2006 г. На тот момент многие из героев проекта проживали в Польше уже несколько лет. Местная педагог, желая как-то скрасить старость своих подопечных, искала себе в помощь волонтеров. Обитатели дома — представители первого поколения депортированных из Казахстана — одинокие люди, приехавшие в Польшу не за хлебом, а для того, чтобы провести на исторической родине закат жизни. Однако процесс адаптации в новой социальной среде оказался для них не менее болезненным, чем для других групп мигрантов.

Идея проекта появилась сразу, и, надо сказать, по нескольким причинам. Не написать о них я не могу, т. к. они крайне важны для дальнейшего анализа. Во-первых, как исследователю мне было интересно общаться с людьми, балансирующими между столькими культурами, с таким богатым жизненным опытом. Во-вторых, как человеку, мне хотелось поддержать их в трудной ситуации, дать возможность поговорить на привычном языке и вернуть радость общения. Мне также хотелось, чтобы мои польские студенты получили возможность встретиться с «русским» не из анекдотов, задуматься над общественными стереотипами, помочь пожилому человеку в его ежедневных трудностях.

В результате в 2006–2008 гг. группа студентов Ягеллонского университета под моим руководством записывала воспоминания репатриантов, принадлежащих к первому поколению жертв сталинских репрессий против национальных меньшинств. Нашей основной целью был поиск ответа на вопрос: кто они, поляки из Казахстана, эмигрировавшие на историческую родину, и что послужило причиной переезда в Польшу?

Идею проекта идеально подчеркивало название: "Z ziemi kazachskiej do Polski..." («Из казахской земли в Польшу...»). Парафразой одной из строк польского гимна (в ориг. «[...] Z ziemi włoskiej do Polski [...]» — «[...] из итальянской земли в Польшу [...]») нам хотелось подчеркнуть связь современных репатриантов с исторической родиной. Более того, мне казалось, что посредством встреч со студентами и во время работы над книгой они почувствуют себя вновь нужными польскому обществу.

Одна судьба — две памяти

В польском историческом сознании слово «сибиряк» (пол. *Sybirak*), написанное с прописной буквы, означает не коренного жителя Сибири, а именно принудительно-ссылного, и занимает особое место⁶. «Сибиряками» принято называть всех сосланных поляков независимо от исторических обстоятельств и фактического места ссылки. Барский конфедерат, подхорунжий-востанец 1831 г., ветеран Январского восстания, львовская генеральша с детьми, сосланная в 1940 г., — все они «сибиряки». Из их индивидуального (личного) жизненного опыта посредством художественной литературы и кинофильмов, используемыми исторической политикой, был соткан общественный стереотип «кресовяка-сибиряка». Родившийся где-нибудь под Львовом, непременно интеллигент, говорящий с заметным акцентом — свидетельством жизни вдали от родины, глубоко верующий католик, переживший многое за годы скитаний по далекой Сибири или казахских степях, лишь спустя годы он сумел вернуться на родину, создал или вступил в региональное товарищество «сибиряков» и написал трогательные воспоминания, опубликованные скромным тиражом за свой счет. Такой концепт «сибиряка» стал неотъемлемой составной польской национальной мартирологии, и употребляемый рядом с концептом «кресы», призван подчеркивать трагедию польского народа на восток от Буга. Что характерно, о других поляках, сосланных в Казахстан с территории современной Украины в 1930-е — 1940-е гг., известно немного. А поскольку современные репатрианты — это в основном потомки репрессированных в 1936 г. представителей польского национального меньшинства в УССР, то существующие до сих пор понятия к ним применяются с трудом или с большими огорками.

Казахстанские поляки культивируют особый вид национального самосознания, в значительной степени отличающийся от исконно польского, что обусловлено прошлым группы. Потомки спецпоселенцев сберегли память о пережитых их предками репрессиях и создали свой сказочный образ исторической родины, самой важной составляющей которого является возможность свободно исповедовать католицизм. Будучи оторванными от польской культуры, не привязаны они и к польскому канону национальной памяти. В их самосознании доминируют те элементы, которые исключительно для них как группы свидетельствуют о принадлежности к польской национальной культуре: иконы, привезенные за собой в ссылку, письма от родных и близких из Польши, полученные в тайне ото всех, вырезки из польской прессы и т. д.⁷ Таким образом желание сберечь свою самобытность на фоне многонационального казахского общества, подпитанное памятью о репрессиях (в особенности по национальному и религиозному

принципу) позволило им создать глубокую психологическую привязанность к исторической родине⁸.

Таким образом представители исследуемой группы до переезда в Польшу воспитывались в польских семьях, где познакомились с традициями, культурой и религией предков и откуда вынесли убежденность в своей принадлежности к польскому народу. Кроме того, они были связаны с Казахстаном, но не в государственном плане, со своими малыми родинками: городами и деревнями, в которых жили. Здесь все было знакомо, всех объединял жизненный опыт. Переезд в Польшу был мотивирован отчасти желанием улучшить уровень жизни своих детей, а отчасти желанием дать им возможность сохранить национальную самобытность, воссоединиться с религией и культурой исторической родины⁹. Как ни парадоксально, основной их проблемой стала социальная и культурная адаптация. Современное польское общество оказалось не готовым к переменам такого рода. В польском языке, к примеру, до сих пор не найдено адекватное понятие, которым можно было бы описать место репатриантов в обществе. Частым его субститутом является слово «русский», имеющее в польском языке и культуре исключительно негативные коннотации¹⁰. В большинстве своем репатрианты поляками так и воспринимаются.

Однако следует отметить, что ввиду неоднозначности самоидентификации, своеобразия исторического опыта новой социальной группы, ее появление привлекло огромный интерес исследователей, пользующихся методами устной истории¹¹. На первых порах ажиотаж был настолько сильным, что о них было снято несколько документальных фильмов, издательства охотно печатали их воспоминания, журналисты считали своим долгом написать статью, подчеркивающую трагичность их судеб. Но со временем польские масс-медиа стали говорить о репатриантах не в слезно-жалостливом тоне, а в неприятно-социальном, т. е. образ «несчастливого сибиряка», бытующий в польской коллективной памяти, с трудом сопоставлялся с реальными репатриантами¹².

Дело в том, что свой автобиографический нарратив «сибиряки», как правило, конструируют вокруг траектории депортации. Описывая ссылку, они подчеркивают прежде всего личную драму, представляя свою историю в более широком контексте советско-польских отношений. При этом они редко пишут в своих воспоминаниях о переселенных из УССР поляках¹³. Казалось бы, их должны были объединить религия, культура и опыт спецпоселения, но в большинстве случаев они относились к переселенным из Украины полякам так же, как и к другим ссыльным. Обрекая их на историческое забвение, они тем самым на долгое время укрепили в польском национальном самосознании нереальный, анахронический, надуманный образ казахстанских поляков¹⁴, позволивший современному общественному дискурсу характеризовать эту группу как не имевших возможности репатрироваться «сибиряков», т. е. все еще преследуемую группу, безгранично привязанную к религии и культуре предков и однозначно негативно относящуюся к коммунистической системе. В то же время встреча с «сибиряками» глубоко врезалась в память казахстанских поляков; и именно в Польшу, страну из их рассказов, казахстанские поляки хотели приехать навсегда¹⁵. Поэтому негативное отношение к ним

современных местных поляков после переезда в Польшу оказалось для них более травматичным, нежели для других эмигрантов.

Со временем изменился и характер научной дискуссии в польской гуманитаристике относительно вопроса современной репатриации и репатриантов. Если в середине 1990-х гг. польских исследователей волновала проблема адаптации этой социальной группы, то спустя десять лет основным предметом споров оказалось применение самого понятия репатриации по отношению к ней¹⁶. Вместе с тем, исследователей данной проблематики продолжает разделять неоднозначность подхода к оценке национальной самоидентификации казахстанских поляков. Значительная часть специалистов склонна относиться к ним как к «забытым полякам»¹⁷. В их работах, на мой взгляд, прослеживается процесс унификации личных воспоминаний казахстанских поляков, ведущий неизбежно к постепенному слиянию их с нарративами «сибиряков». Таким образом, процесс, который не происходил во время фактической ссылки, происходит на уровне воспоминаний. Зачастую это достигается путем замалчивания степени ассимиляции данной группы уже во время проживания в Украине¹⁸ и подчеркнутой демонстрации схожести пережитого ними личного опыта ссылки и репрессий другого рода¹⁹. Для остальных эти поляки представляют научный интерес именно из-за специфики их исторической памяти и амбивалентности их идентификации с Польшей²⁰. Основной целью такого рода проектов является развеивание мифа о существовании поляков в Казахстане. Такой подход оказывается менее щадящим для самих исследуемых репатриантов, т. е. среди них до сих пор можно встретить людей, искренне убежденных в том, что они являются поляками.

Не будучи непосредственными участниками научной дискуссии о своей национальной принадлежности, репатрианты продолжают чувствовать себя непонятыми и все больше предпочитают делиться личными переживаниями лишь «со своими». Внешний мир остается для них по-прежнему чужим и далеким, а посему не так охотно они принимают участие в проектах, нацеленных на изучение их национальной самоидентификации²¹.

Искусство диалога

Именно так называет устную историю Алессандро Портели, и с ним нельзя не согласиться²². Встреча двух таких разных людей, необыкновенных собеседников — исследователя и рассказчика — навсегда оставляет след в их памяти. Проект предполагал создание реального диалога между его участниками, а студентам предстояло задуматься над историческим прошлым их народа. Героям же проекта следовало справиться с кризисом идентичности и, переосенив рассказанное нам прошлое, ответить на вопрос о их национальной идентичности — быть может, самый болезненный для них.

С исследовательской точки зрения интересным может показаться факт, что из 35 репатриантов, проживавших «Под Дубами», лишь 8 человек согласилось опубликовать свои воспоминания. Причины отказа были самые разные: нежелание принимать участие в такого рода проектах вообще, горький опыт участия в подобном проекте, боязнь показаться обычным, слабое здоровье, знание языка. Сложно сказать, насколько искренними были эти доводы и каковы истинные причины отказа.

Еще во время пилотных исследований нами было выяснено, что жителей дома «Под Дубами» до нас неоднократно интервьюировали журналисты, культурные антропологи, представители католической церкви, учителя истории, студенты и ученики старших классов, работавшие над темой репрессий против поляков в СССР, а также социальные работники и сотрудники миграционной службы. Но естественный интерес рассказчиков к результатам совместной работы оказался неудовлетворенным должным образом. Довольно часто репатрианты сетовали на неуважительное отношение к их слову, особенно со стороны начинающих исследователей и журналистов. В большинстве своем записанные воспоминания (если вообще!) публиковались не в виде транскрипций, а в форме адаптированного текста, представленного в виде своеобразного «монолога» на грамотном польском языке.

Следует отметить и тот факт, что прежние интервью чаще всего записывались на польском языке. В связи с чем результаты таких исследований сложно назвать полноценными или качественными с методологической точки зрения. С одной стороны, рассказчики были лишены комфорта представить свою биографическую историю на том языке, на котором им было гораздо легче изъясняться (в данном случае речь идет о русском или украинском языке). С другой же — исследователи не скрывали своего разочарования полученными несвязными и малограмотными, краткими ответами на многочисленные вопросы. Своеобразие языка репатриантов (смесь украинского, русского и польского) приводило к тому, что они значительным образом искажали свой истинный жизненный опыт ввиду неумения рассказать о нем на польском языке в доступной для исследователя форме.

Исходя из этого, нами было принято решение выбрать в качестве основного метода работы свободное нарративное интервью, проводимое на языке рассказчика. Таким образом нам удалось создать максимально благоприятную для нарраторов обстановку беседы. Выбор метода был обусловлен также и эмоциональной важностью воспоминаний для рассказчиков, и с трудным характером самих воспоминаний.

Работа над проектом проходила по методу «длинного стола», предложенному Е. М. Ковалевым и И. Е. Штайнбергом в их работе «Качественные методы в полевых социологических исследованиях»²³. Таким определением авторами был назван «метод групповой работы научного коллектива по созданию и применению методологии и методики социологического исследования и организации всех этапов полевого исследования, от подготовки программы и инструментария до анализа первичной информации и представления отчетных документов»²⁴.

«Длинный стол» как способ организации работы устноисторического проекта над разработкой программы исследования, его проведения, необходимой коррекции инструментария и уточнения понятий, работы по постановке новых задач и анализу собранного материала полностью оправдал себя и помогал решать исследовательские проблемы по мере их поступления без каких-либо ущербов для команды. Прежде всего, метод помог нам справиться с организацией эффективной коллективной и индивидуальной работы исследовательской группы на всех этапах работы. Более того, мы смогли своевременно оказывать психологическую поддержку членам нашего коллек-

тива в ряде случаев, связанных с негативной оценкой интервьюером поступков рассказчика и нежеланием продолжать работу с ним. И наконец, метод значительно облегчил и сделал более эффективным контроль и проверку исполнения рабочих заданий в ходе исследования.

Поскольку реализуемый нами проект был довольно продолжительным, то особенно важно было правильно сформировать рабочую группу. Однако на первых порах подобрать идеальный кадровый состав, который бы сразу начал эффективно работать, не удалось. Потребовалось некоторое время для обучения методологии устной истории, для выработки общих взглядов на изучаемый объект исследования, для создания благоприятного социально-психологического климата и взаимопонимания между членами исследовательской команды.

Кроме того, каждому члену рабочей группы было предложено вести некоторые записи (форма и характер по усмотрению автора). Эти заметки читались и обсуждались на ежеквартальном совещании и складывались в датированный конверт. На одном из последних рабочих совещаний, незадолго до обсуждения подготовки в печать результатов нашей работы, нами обсуждались эти авторские дневники. Благодаря этому мы смогли глубже увидеть контекст каждого интервью. Полученный материал можно оценивать как своего рода «голос за кадром»: каждый интервьюер описывал, что он чувствовал, слушая данное биографическое интервью; как менялось его мнение о проекте и его собеседнике; как менялись их личные взаимоотношения; каковы были ошибки и как они повлияли на процесс интервью и на конечный продукт. Фрагментами и выдержками из них было решено дополнить и публикуемый сборник интервью²⁵.

В самом начале работы над проектом наш подход к репатриантам и их воспоминаниям не был лишен общественных стереотипов. С одной стороны, мы были уверены, что репатрианты, не задумываясь, захотят поделиться с нами своими воспоминаниями, размышлениями. С другой — мы подсознательно хотели втиснуть их воспоминания в «сибиряковскую» схему, объясняя при этом некую расхожесть их личного опыта лишь отсутствием польского гражданства, недостаточным знанием языка, культуры, реалий.

«Мне кажется, что казахстанский поляк — внутренне несколько нецелостная личность, без привязанности к ни одному из мест, в которых жил. Искренне рад, что он — поляк с польским паспортом, и что умирать ему доведется на исторической родине. Но, с другой стороны, мне кажется, что эта помощь польского правительства пришла к ним с опозданием. Они чувствуют себя хуже местных поляков из-за слабого знания языка»²⁶.

Нарративы постепенно «вышли из-под контроля» и стали все меньше напоминать классические воспоминания ссыльных.

«Когда я шел впервые на встречу с паном Болеславом, то мне было известно, что он выходец из Гродненщины, а посему своими корнями он идеально вписывался в мое видение ссыльных. Второй отличительной чертой польских сосланных в Казахстан, которая с детства казалась мне единственно возможной, была ностальгия по родине и неутолимое желание вернуться в родные края. (...) Так вот, собираясь нанести первый визит, я знал, что мой

собеседник был в АК [Армии Крайовой — В. К.-С.], и за участие в польском подполье его сослали в Казахстан. Однако — вы в этом сможете убедиться сами, читая его воспоминания — дела обстояли не так уж просто, как может показаться или как мне казалось на тот момент. А именно, пан Болеслав сначала был сослан в Магадан, а оттуда переведен в Казахстан. Но, что оказалась особенно удивительным для меня, так это его решение остаться на поселение в Казахстане и обустроить там свою жизнь, не желая вернуться на родину. Политически, разумеется, это уже не была Польша, но ведь там оставались его друзья и родня»²⁷.

Большинство героев проекта пережили депортацию, будучи детьми, и, говоря о спецпоселении, делились не своим личным опытом, а опытом родителей, старших братьев и сестер. Их собственный опыт жизни в Казахстане не был порой настолько сложен, а значит, не соответствовал польскому образу ссыльного и подлежал умолчанию. Оказалось, что самоцензура не позволяла и им самим выйти за рамки общественного стереотипа. Поэтому их, как правило, трудно было разговорить и заставить отойти от стандартной схемы воспоминаний: родился/-лась в Украине; в 1936 г. вместе с родителями был/была переселен/а в Казахстан; было трудно; не разрешали молиться; решил/а переехать на историческую родину; здесь оказался/-лась никому ненужен/-а. В особенности это касалось тех из участников, кто уже неоднократно рассказывал о своем прошлом, принимая участие в разного рода биографических исследованиях. Такого рода унификация личных воспоминаний, на мой взгляд, была обусловлена желанием оправдать ожидания польских ученых и вписаться в образ репатрианта-«псевдосибиряка», предлагаемый СМИ. Со временем рассказчики перестали обходить стороной счастливые моменты своей жизни.

«Меня встретили радушно... Чай, печенье — все, как у бабушки. Но, разговор клеится с трудом (невзирая на теплую атмосферу). Тема-то не из легких. И тяжело ей говорить о своем прошлом. У меня сложилось такое впечатление, что пани Станислава, с одной стороны, охотно бы побеседовала, но как-то не хочет углубляться. Скользим по поверхности!... Временами же нам удается коснуться всей глубины пережитого ею...»²⁸.

Более того, часть рассказчиков сознавалась, что они неоднократно старались «конструировать» память о собственном прошлом таким образом, чтобы доказать герметичному польскому обществу свое происхождение, т. е. отстоять свое право на приезд в Польшу, смену гражданства, проживание и на ряд льгот, предусмотренных для них польским правительством. Поэтому на первых записях воспоминания юности, первой любви, благополучия появлялись лишь как предвкушение их утраты. И лишь освоившись со своими интервьюерами, герои проекта перестали стыдиться карьеры, партийного прошлого, смены национальности в паспорте, службы в Красной Армии и даже обыкновенного достатка или общественной позиции.

Анализ воспоминаний показал: рассматривая их жизненные истории через призму депортации, мы неизбежно придавали их личным воспоминаниям безликий характер. Ограничивая индивидуальность человеческой личности, неповторимость судьбы жесткими рамками пережитой ссылки, мы могли бы потерять стихи и детские сказки,

написанные Анной О.; смешные истории из жизни деревенских учителей, описанные Марией М., военные анекдоты Яна С. и многое другое. В то же время демонстрация всей пестроты жизненного опыта собеседника, в особенности это касается их гражданской позиции в советское время, способна была больше навредить, нежели помочь репатриантам найти общий язык с местными поляками.

«Я не знаю, может, я неправильно думаю, но вот Ярузельский. Такой-сякой, говорят. А я про него слова плохого не скажу. Он ведь из солдата в генералы вышел! Я с ним, между прочим, вместе в Рязани учился. Он ведь такой вояка был, такая умница! Как он с фашистами воевал. А теперь говорят, что он такой-сякой! Военное положение и советские танки в Польше. Ну не знаю, может я не прав. Но мы ведь вместе воевали. И Свирчевского я помню, мы ведь вместе, в одной армии воевали!!! А Рокоссовский — это ведь гений военного дела! Гений! Он всю войну прошел. Он каждого солдата ценил и плохого слова никому не сказал. Не знаю, может, я что-то не так понимаю?»²⁹

Пусть даже подсознательно, но рассказчик всегда хочет видеть в исследователе своего адвоката, психотерапевта, а порой и исповедника. За время повествования (реализации проекта) ему хочется поделиться пережитым, поговорить о наболевшем, спросить совета или убедиться в правильности того или иного жизненного решения, поступка (чаще проступка)³⁰. Отдавая свою жизнь в руки исследователя, он не осознает еще, что его воспоминания станут предметом не только его личных размышлений. Теперь их оценит, осудит или рассудит чужой человек³¹. Поэтому очень важно помнить о том, что беседа о сложных биографических событиях неизбежно носит терапевтический характер и требует от исследователя придерживаться правил профессиональной этики³². В процессе создания нарратива рассказчик склонен переживать свою жизнь заново. Сложно не согласиться с Барбарой Энгелькинг, что неэтично в такой ситуации оставлять собеседника наедине с со своими переживаниями. Исследователь перед лицом чужого страдания обязан, по крайней мере, стараться проникнуться его переживаниями и стать опорой, поддерживая атмосферу взаимного уважения, доверия и понимания³³. На мой взгляд, не стоит этого делать, непосредственно анализируя или выбирая нарративы или фрагменты для публикации. Чувствовать ответственность за рассказчика также значит не навредить его отношениям с близкими, не скомпрометировать его в глазах общественности. Во время работы над книгой воспоминаний неоднократно приходилось задумываться над тем, как оценит то или иное событие, тот или иной поступок наших героев читатель, и сможем ли мы передать достоверно мысли и чувства своих собеседников. Наиболее сложным оказался для нас вопрос о границах вмешательства историка в устноисторический источник во время транскрибирования.

«Соавторы» поневоле

Сам по себе процесс транскрибирования означает пословное воспроизведение аудиозаписи интервью в письменном виде. Но передача устной речи в письменной форме предполагает в любом случае интерпретацию. Расстановка знаков препинания,

членение текста на абзацы, фразы, предложения — это уже интерпретация мыслей рассказчика. Даже самая идеальная речь при дословной передаче на бумаге смотрится нелепо. Станут заметными повторы, неуклюжесть подобранных синонимов, поиски подходящего слова, дефекты речи³⁴. Работая над таким деликатным материалом, понимая, что наша книга станет голосом казахстанских поляков в дискуссии об их национальной идентичности, нам приходилось задумываться над публикацией историй о компрометирующих рассказчика поступках.

Устная форма текста значительно отличается от письменной, поэтому перевод в письменную форму устных текстов в ряде случаев может потребовать корректировки последних, а именно структурирования устного текста в соответствии с законами письменной речи. Как отмечает Б. М. Гаспаров, в письменном тексте связность и цельность реализуются путем построения текста в соответствии с определенными правилами логики линейного развертывания информации, в устном же тексте смысл ощущается как «нелинейный»: он организуется произвольными перестановками блоков так, чтобы были получены все полезные сопоставления частей. Тем самым, перевод устного текста в письменную форму означает переход от нелинейной организации смысла к линейной, что может обернуться частичной потерей и вербальной информации³⁵.

В процессе устной коммуникации передача информации осуществляется по нескольким каналам одновременно (вербальный, мелодический, визуальный), каждый из которых играет роль смыслообразующего фактора, и конечный результат достигается их совмещением и взаимным наложением. Если устная речь всегда строится в виде совмещения нескольких каналов передачи, то в письменной — передача информации происходит по одному постоянно действующему каналу. Таким образом, в результате перевода устного текста в письменную форму невербальная часть информации зачастую утрачивается.

По мнению Н. Г. Вороновой и С. С. Фоминой, задача исследователя заключается в том, чтобы при письменной фиксации устного текста сохранить в нем то значение, которое придает ему рассказчик. Причем возможно это лишь при условии внесения коррективов в транскрипцию, частичного ее переконструирования³⁶. Однако их метод «монологизации» конечного продукта, на наш взгляд, являлся неприемлемым для создания устноисторического документа в письменной форме. Умолчание присутствия интервьюера искажает суть биографического интервью и делает невозможным полноценный анализ его содержания.

Проанализировав тексты наших героев, мы стали переводить и редактировать их для польского читателя, стремясь максимально сохранить индивидуальный характер каждого. Поскольку целью проекта было заинтересовать локальную (польскую) общественность, то следовало адаптировать текст для среднестатистического польского читателя, отказываясь от традиционной системы транскрибирования устноисторических источников, разработанной Гилом Джефферсоном³⁷. Более ценными для нас оказались замечания Карла Вильмсена. По его мнению, редакторскую правку транскрипции интервью должен осуществлять не только исследователь, но и сам рассказчик. Таким образом можно добиться максимально точной передачи содержания за-

писи в письменном виде. Согласно К. Вильмсену, устноисторические интервью, в отличие от других форм записи воспоминаний, не имеют монологического характера. Скорее, напротив, они порождаются в процессе активного диалога между обоими участниками коммуникации: рассказчик повествует, отвечает на вопросы, доказывает свою правоту лишь благодаря присутствию реального исследователя, а не абстрактной читательской аудитории. Из этого следует, что необходимо сохранить в конечном варианте «присутствие» интервьюера. Более того, мы взяли на вооружение и его совет о необходимости уточнять неясные фрагменты записи и транскрипции непосредственно у самих рассказчиков³⁸. Такой подход к транскрибированию устноисторических интервью позволяет сравнить транскрипцию с переводом, т. к. первая достаточно полезна в работе, но чтобы полностью понять смысл текста, всегда приходится обращаться к подлиннику.

В ходе работы над текстами интервью встал вопрос о глубине, характере и уровне точности передачи устноисторического интервью в письменной форме:

— какие признаки (элементы) исходного текста обязательно должны отражаться в письменной форме;

— что является «лишним» материалом, не несущим никакой ценности для исследования информации таким, который может быть упущен.

Ответы на эти вопросы мы оставили самим рассказчикам, поскольку именно им решать, какого рода корректировки они хотят внести в публикуемый текст. Следует подчеркнуть, что роль эта им пришлось по душе настолько, что в процессе вычитывания текстов рассказчики не только старались что-то поправить, но разъяснить, дополнить. В результате получались «новые» воспоминания, иной раз непохожие на оригинальную запись. Каждый автор хотел приблизить текст воспоминаний к своего рода автобиографии, написанной под диктовку. Кроме того, нам приходилось соглашаться и с пожеланиями исключить из публикуемой версии некоторые трудные, связанные с чувством стыда факты из жизни наших нарраторов. Болеслав Д. просил сократить количество нецензурной лексики, а если это возможно, то и вообще исключить ее из письменного варианта текста. Анна О., желая подчеркнуть трагедию своей семьи, вообще не хотела публиковать своих личных воспоминаний. Мария М. стеснялась количества квадратных скобок, в которых мы записывали эмоциональное состояние рассказчика. Ей казалось, что после этого читатель перестанет воспринимать ее всерьез. Ян С., осознавая неоднозначное отношение поляков к солдатам Красной Армии, попросил вычеркнуть те фрагменты своих воспоминаний, в которых упомянул о них. Евгения С. и Валентин С. стыдились простоты и безыскусности своей речи и предлагали по возможности «онаучить» их повествования.

Таким образом, красиво изложенное жизнеописание как конечный продукт совместной работы оказалось главным условием, при котором участники проекта согласились опубликовать свои интервью. Все наши попытки доказать важность этих неидеальных рассказов оказались тщетными. Во имя диалога профессиональная этика вынуждена была взять верх над личными исследовательскими амбициями каждого из нас.

Z ziemi kazachskiej do Polski. Реактивация

После первой попытки издания собранных интервью мне пришлось признать невозможность передать всю гамму эмоций и весь смысл, вложенный моими собеседниками в интервью в виде печатного слова. Безнадёжно были утеряны жесты, интонация, темп речи «живого» языка. И самые эмоциональные рассказы в конечном итоге на бумаге оказались безжизненными. Именно с целью вдохнуть жизнь в издание, сблечь голос наших собеседников и дать возможность ближе узнать каждого из них, мы решили переиздать книгу в цифровом варианте.

Однако, кажется недостаточным просто заменить во втором издании адаптированные транскрипции записями интервью. Во-первых, авторы воспоминаний оговорили, что разрешается цитировать, а что нет. Таким образом, не все записи можно публиковать полностью не только в письменном, но и в цифровом виде. Во-вторых, даже самая качественная аудиозапись не может исключить неясности звучания упоминаемых имен собственных и специальных терминов (особенно это касается информации, подаваемой на иностранном языке), ошибочно названные даты, отдельные фрагменты интервью, где неясно, кого или что имеет рассказчик ввиду, затрудняющие восприятие повторы, неожиданные переходы с одной темы на другую. Практика показывает, что оба эти теоретически несовершенные виды архивирования устноисторических источников взаимодополняемы. Резонным кажется введение в практику некоего синтезного метода, к примеру — подготовка авторского вступления к публикуемому в аудио- или видеформате источнику.

На данный момент идет работа над созданием интернет-портала, который, как мне кажется, гораздо эффективнее поможет использовать материал проекта и позволит проекту выйти на новый уровень общения, способствуя интеграции репатриантов с местными поляками.

¹ Послевоенная репатриация охватила лишь тех «бывших польских граждан», которые за время ссылки не приняли советского гражданства. Поскольку давление сотрудников НКВД было более чем сильным, то значительный процент сосланных шел на смену гражданства. Таким образом в последствии этими же органами им было отказано в репатриации. И лишь полная реабилитация в 1956 г. позволила им вернуться на родину. См.: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. Warszawa, 1998. S. 204; *Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSRR 1939–1945.* Przegląd piśmiennictwa/Red. T. Walichnowski. Warszawa, 1989. S. 7–8, 20; *Буцай М.* Депортації населення з України//Український історичний журнал. 1990. № 10. С. 36–37.

² Подробнее на эту тему: *Kudela W.* Z ziemi kazachskiej do Polski... Т. 1. Kraków, 2007. S. 120.

³ *Gorbaniuk J.* Psychospołeczne uwarunkowania zadowolenia z repatriacji Polaków z Kazachstanu//Przeszość, teraźniejszość i przyszłość Polaków na Wschodzie/Red. M. Szczerbiński, T. Wolsza. Gorzów Wielkopolski, 2001. S. 407.

⁴ *Kozłowski A.* Repatriacja jako element polityki migracyjnej, w zestawieniu z doświadczeniami innych państw//Repatriacja jako element polityki demograficznej Polski. Poznań: NAKOM, 2004. S. 29.

⁵ См.: *Polacy w Kazachstanie*, Biuletyn stowarzyszenia “Wspólnota Polska”. 1994. № 7(30). S. 13–19; *Bogustawski F.* Z kazachstańskich stepów do sejmu RP. Warszawa, 2005.

⁶ *Rzepkowska A.* Słuchając wspomnień Sybiraków. Antropolog wobec doświadczenia zesłania //LUD. 2008. Т. 92. S. 13–14; *Kość K.* Tropami światów “odpamiętanych”— narracja zesłańcze a prawda historyczna w badaniach etnologicznych//Etnografia polska. 2006. Т. 50. S. 161–162.

⁷ *Jakubowska-Malicka L.* Dylematy tożsamości Polaków z Kazachstanu//Migracja. Uchodźstwo. Wielokulturowość. Zderzenie kultur we współczesnym świecie/Red. D. Lalak. Warszawa, 2007. S. 200.

⁸ *Chodubski A.* Tożsamość polonii kazachstańskiej//Kazachstan. Historia, społeczeństwo, polityka/Red. T. Bodio, K. Wojtaszczyk. Warszawa, 2000. S. 75–76.

⁹ *Gorbaniuk J.* Psychospołeczne uwarunkowania zadowolenia z repatriacji... S. 178.

¹⁰ Łotocki Ł. Obcy w dyskursie publicznym w Polsce w kontekście problematyki imigracji — refleksja teoretyczna oraz doniesienia z badań empirycznych//Wędrowcy i migranci. Pomiedzy marginalizacją a integracją/Red. E. Nowicka, B. Cieślińska. Kraków, 2004. S. 284.

¹¹ *Gawęcki M.* Polacy w Kazachstanie — portret społeczności, passim; *Gawęcki M.* Polacy w Kazachstanie. Przeszość i teraźniejszość//Kazachstańscy Polacy/Red. C. Groblewska. Warszawa, 1996. S. 7–52; *Gorbaniuk J.* Psychospołeczne uwarunkowania zadowolenia z repatriacji Polaków z Kazachstanu//Przeszość, teraźniejszość i przyszłość Polaków na Wschodzie/Red. M. Szczerbiński, T. Wolsza. Gorzów Wielkopolski, 2001. S. 407; *Jakubowska-Malicka L.* Dylematy tożsamości Polaków z Kazachstanu//Migracja. Uchodźstwo. Wielokulturowość. Zderzenie kultur we współczesnym świecie/Red. D. Lalak. Warszawa, 2007. S. 200; *Sadowiski A.* Aktualny stan badań i zadania przyszłe badań nad Polakami na Wschodzie (wprowadzenie do dyskusji)//Przegląd polonijny. 2001. Z. 4. S. 47–58.

¹² *Gawęcki M.* Polacy w Kazachstanie — portret społeczności, passim.

¹³ *Winiarska A.* Obraz Kazachstanu w świetle relacji, wspomnień i dokumentów Polaków deportowanych w 1940 roku//Polacy w Kazachstanie. Historia i współczesność/Red. St. Ciesielski, A. Kuczyński. Wrocław, 1996. S. 385.

¹⁴ *Gawęcki E.* Polacy w Kazachstanie — portret społeczności//<http://www.wspolnota-polska.org.pl/index.php?id=pwko84> Последнее посещение 9.VII.2007.

¹⁵ *Dawidenko O.* Polonia na tle procesów narodowościowych Kazachstanu. Wymiary identyfikacji narodowej//[www.euro-limes.ae.krakow.pl/files/el1\(1\)2002/od_limes1\(1\).pdf](http://www.euro-limes.ae.krakow.pl/files/el1(1)2002/od_limes1(1).pdf) Последнее посещение 9.VII.2007.

¹⁶ Шире об этом см.: *Kudela-Swiętek W.* Między wyobrażeniem a rzeczywistością. Obraz ojczyzny w pamięci kazachstańskich Polaków i repatriantów z Kazachstanu//Tożsamość i komunikacja/Red. R. Szwed. Т. 2. Lublin, 2009.

¹⁷ *Wyszyński R.* Citizenship or Nationality — a Difficult Return from Kazakhstan//Homecoming. An Anthropology of Return Migrations/Red. E. Nowicka, H. Firouzbakhch. Kraków, 2008. S. 117–118.

¹⁸ *Gawęcki M.* Polacy w Kazachstanie — portret społeczności, passim.

¹⁹ *Dawidenko O.* Polonia na tle procesów narodowościowych Kazachstanu. Wymiary identyfikacji narodowej//[www.euro-limes.ae.krakow.pl/files/el1\(1\)2002/od_limes1\(1\).pdf](http://www.euro-limes.ae.krakow.pl/files/el1(1)2002/od_limes1(1).pdf), последнее посещение 9.VII.2007. *Kozłowski A.* Repatriacja jako element polityki migracyjnej, w zestawieniu z doświadczeniami innych państw//Repatriacja jako element polityki demograficznej Polski. Poznań, 2004. S. 27–28; *Gorbaniuk J.* Psychospołeczne uwarunkowania

zadowolenia z repatriacji Polaków z Kazachstanu. Lublin, 2008. S. 25; *Kamocki J.* Świadomość narodowa Polaków w Kazachstanie//Polska droga do Kazachstanu/Red. T. Kiesielewski. Warszawa, 1998. S. 130–134.

²⁰ *Hut P.* Cechy społeczno-demograficzne impatriantów z lat 1996–2002//Repatriacja jako element polityki demograficznej Polski. Poznań, 2004. S. 87; *Biuletyn Migracyjny*. 2005. Sierpień. № 2. S. 8. Словарное толкование этого понятия подготовлено с использованием: *Hut P.* Warunki życia i proces adaptacji repatriantów w Polsce w latach 1992–2000. Warszawa, 2002; *Iglicka K.* Are They Fellow-Countryman or Not? The Migration Kazakhs of Polish Origin from Kazakhstan to Poland//Prace migracyjne. 1997. № 13. S. 12.

²¹ Шире об этом см.: *Kudela W.* Swoi wśród obcych, obcy wśród swoich... Dlaczego Polacy z Kazachstanu wracają do historycznej ojczyzny?//Ziemi kazachskiej do Polski... Т. 2. Kraków, 2007. S. 20–44.

²² *Portelli A.* The Battle of Valle Giulia. Oral History and the Art of Dialogue. Medison, 1997.

²³ *Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999.

²⁴ Там же. С. 30–32.

²⁵ См.: *Z ziemi kazachskiej do Polski...* Т. 2. Kraków, 2007. S. 151–164.

²⁶ Воспоминания Катажины Кемпы о своем участии в проекте. См.: *Kempa K.* Czy ta szansa na mieszkanie w kraju przodków nie przyszła za różno?//Ziemi kazachskiej do Polski... S. 160–161.

²⁷ Воспоминания Марка Ханьдерека о своем участии в проекте. См.: *Hańderek M.* Każdy ma swoją specyficzną historię//Ziemi kazachskiej do Polski... S. 153–154.

²⁸ Воспоминания Йоанны Волянској о своем участии в проекте. См.: *Wolańska J.* Pamiętnik z projektu//Ziemi kazachskiej do Polski... S. 150–151.

²⁹ Авторское интервью с Яном С., записанное в Кракове 12.01.2006, 87.09–89.36.

³⁰ *Hesse-Biber Sh. N., Leavy P.* The practice of qualitative research. London, 2006. P. 176.

³¹ *Laoire C. N.* To name or not to name: reflections on the use of anonymity in an oral archive of migrant life narratives//Social and Cultural Geography. 2007. Vol. 8. № 3 (June). P. 386.

³² *Thompson P.* The Voice of the Past. Oxford, 1975. P. 240.

³³ *Engelking B.* Zagłada i pamięć. Warszawa, 2001. S. 12.

³⁴ *Thompson P.* The voice of the past... Pp. 137–138.

³⁵ *Гаспаров Б. М.* Устная речь как семиотический объект//Семантика номинации и семиотика устной речи/Ред. Б. М. Гаспаров, А. Д. Дуличенко, М. А. Шелякин. Тарту, 1978. С. 63–112.

³⁶ *Воронова Н. Г., Фомина С. С.* Из опыта перевода обыденных устных текстов в письменную форму//Устная история (Oral History): теория и практика: Материалы всероссийского научного семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.)/Сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2007. С. 282.

³⁷ *Jefferson G.* On Stepwise Transition from Talk about a Trouble to Inappropriately Next-positioned Mettrs//Structures of Social Action/Ed. by J. M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge, 1984.

³⁸ *Wilmsen C.* For the Record: Editing and Production of Meaning in Oral History//Oral History Review. 2001. Vol. 28. Pp. 65–86.

Wiktoria KUDELA-ŚWIĄTEK

EVERYONE HAS ITS OWN KAZAKHSTAN...

MATERIALS OF THE PROJECT «Z ZIEMI KAZACHSKIEJ DO POLSKI»
(Studying the collective memory of repatriants from Kazakhstan to Poland)

Wiktoria Kudela-Świątek's article concerns the two groups of repatriates, who have arrived from Kazakhstan to Poland in two distinct periods of time. The first group, known as "Sybiracy", includes the Polish exiles from the USSR in 1940–1941. When the war ended in May 1945, millions of "former Polish citizens" were repatriated from USSR. The second group consists of descendants of victims of Stalin's mass-deportation of the 1930s from the borderlands of Soviet Ukraine and Soviet Belarus. In the 1990s, the Polish Government passed an act on repatriation of the individuals of Polish origin from the countries of the former USSR. The author addresses the issue of the collective memory of these groups each based on the specific historical experience and unique positioning in modern Polish society. The author discusses the problem of social adaptation of contemporary immigrants from Kazakhstan through the explanation of differences presented in the collective memories of the two groups. The discussion is based on the fieldwork conducted by the author in 2006–2008.